

КРОКОДИЛ

НА СЕВЕРЕ ДИКОМ

Рис. К. Ротова

МОРЖ:—Завидую я этому медведю: отвезут в Москву в Зоопарк и создадут ему там условия настоящего дикого севера!

Мы получили многочисленные запросы читателей Крокодила, почему мы не воспользовались нотой уругвайского правительства о разрыве отношений с СССР, как квалифицированным юмористическим материалом, слегка оживленным тонкими политико-философскими выводами.

Отвечаем. Нам первоначально немного смутило то обстоятельство, что наша ежедневная пресса до нас напечатала этот шедевр энзотического юмора, предназначенного его авторами явно для нашего, а не для других изданий. Но теперь, по здра-

вом размышлении, мы решили, хотя бы и с некоторым опозданием, дать эту ноту на страницах Крокодила, — правда, в несколько сокращенном виде, но зато с необходимыми примечаниями и пояснениями, которые помогли бы нашему читателю запомнить ноту и еще больше оценить ее глубокий смысл и художественное значение.

Для более точной ориентировки читателей помещаем краткие сведения об Уругвае, почерпнутые нами из энциклопедического словаря и снабженные чистыми практическими дополнениями.

Уругвай — республика в Южной Америке, граничащая с Аргентиной и омываемая Атлантическим океаном. Выказав соболезнование упомятому океану по поводу такого опрометчивого и неудачного омывания, переходим к дальнейшему. Население в Уругвае — миллион семьсот тысяч, из которых первая половина — бывшие члены быстро сменяющихся кабинетов, а вторая — безработные. Главный город — Монтевидео. Не главных нет.

На 1700 тыс. населения в Уругвае имеется 11½ миллионов баранов, т. е. по 8½ баранов на душу. Главная торговля Уругвая — сыр. Уругвайский сыр славится своей слезой, причем в процессе экспорта сыр вывозится за границу, а слеза остается местному населению. Других особых примет республика Уругвай не имеет.

После этих кратких сведений переходим к перепечатке ноты уругвайского правительства, снабдив ее соответствующим ее духу стилем комментариев, а также, как мы уже упоминали, слегка сократив ее.

РОКОВОЙ ЗАГОВОР ИЛИ ТАИНСТВЕННЫЕ ЧЕКИ

Психологическая кинодрама с трюками, погоней за доказательствами, а также с разрывом под диафрагму

(Политсценарий)

ЧАСТЬ I. ДОБРЫЕ СОСЕДИ, ИЛИ ТОРГОВЛЯ ПОД ЧЕСТНОЕ СЛОВО

Пригорок. Кусты и ягоды. Большая овца кушает траву. Таинственные добрые соседи бразиль-

ды в большом чемодане приносят тайны Коминтерна и под честным словом передают их вовсе побледневшим уругвайцам. Большим планом: честное слово. Затемнение. Овца кушает траву. Два бразильских министра, крихтя, несут роковые тайны Коминтерна. Из чемодана слышится страшный голос, но его прикрывают сверху честным словом, и голос сконфуженно смолкает. Облака. На крайнем левом облаке сидит г. директор главного антиуругвайского отделения Коминтерна и точит о подметку большой нож советской выработки. Затемнение и грустная музыка.

ЧАСТЬ II. ЧЕСТНОЕ СЛОВО НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ, ИЛИ ТАЙНЫ ПОСТЕПЕННО РАСКРЫВАЮТСЯ

На экране надпись:

«Согласно документам, которыми располагает министерство иностранных дел, на упомянутом московском конгрессе (VII конгресс III интернационала.—Ред.) все ораторы были согласны в вопросе о принятии новой тактики борьбы, в соответствии с которой международный коммунизм должен объединиться со всеми передовыми партиями, хотя бы и не коммунистическими, создавая единый фронт с целью постепенного достижения по этапам всеобщего революционного коммунизма».

**ЧАСТЬ III. БЕЗ ОСОБОГО НАЗВАНИЯ,
НО С НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ ДУШЕВНЫМ
ВОЛНЕНИЕМ**

Тоже начинается с надписи и ею же кончается:

«Таким образом, они сказали, что можно будет войти в сделку с любым передовым правительством, даже поддерживаемым партиями не чисто коммунистическими.

На основании этого можно предположить, что коммунизм объединился, как это произошло в Бразилии, с партией, именуемой национально-освободительным союзом, вождем которой является Луи Карлос Престес. Престес был вождем побежденной революции и мобилизовал на своей стороне все свои силы, оправдывая имя «рыцаря надежды», как его характеризовал, при аплодисментах упомянутого конгресса, делегат Ван Мин, докладчик по делам Южной Америки».

**ЧАСТЬ IV. ОЖИВШИЙ НАТ ПИНКЕРТОН; ТАЙНСТВЕННЫЕ
МАСКИ, ЧЕКИ, АГЕНТЫ И УЖАС НА ПОЛНЫХ
ЧЕТЫРЕХСТАХ МЕТРАХ**

Крупными шагами идет советская миссия в Монтевидео — в маске, в мантилье и с тяжелым кинжалом за голенищем. Впереди нее идут чеки. Один чек. Другой чек. Третий. Старший курьер миссии несет гаубицу. Вторая переписчица обмахивается пулеметной лентой. Крупным планом: адский профиль агента Коминтерна. Профиль говорит адские слова, от которых все бледнеют и мучаются. Затемнение. Овца из первой картины кушает траву. На экране надпись:

«Согласно информации, переданной Посольством дружественной страны, и той, которую получило наше правительство, Советская Миссия в Монтевидео перевела чеками на предъявителя крупные суммы, назначение которых не может быть определено, но может вызвать серьезные предположения, которые совпали бы с заявлением, приписываемым по этому поводу правительством Бразилии упомянутому участнику конгресса Ван Мину».

ЧАСТЬ V. ПОЛНОЕ РАСКРЫТИЕ ТАЙН КОМИНТЕРНА!

«Конгресс коммунистического, III интернационала открылся и закрылся, согласно достоверным данным, приветствиями в честь правительства Москвы и его главного вождя Сталина».

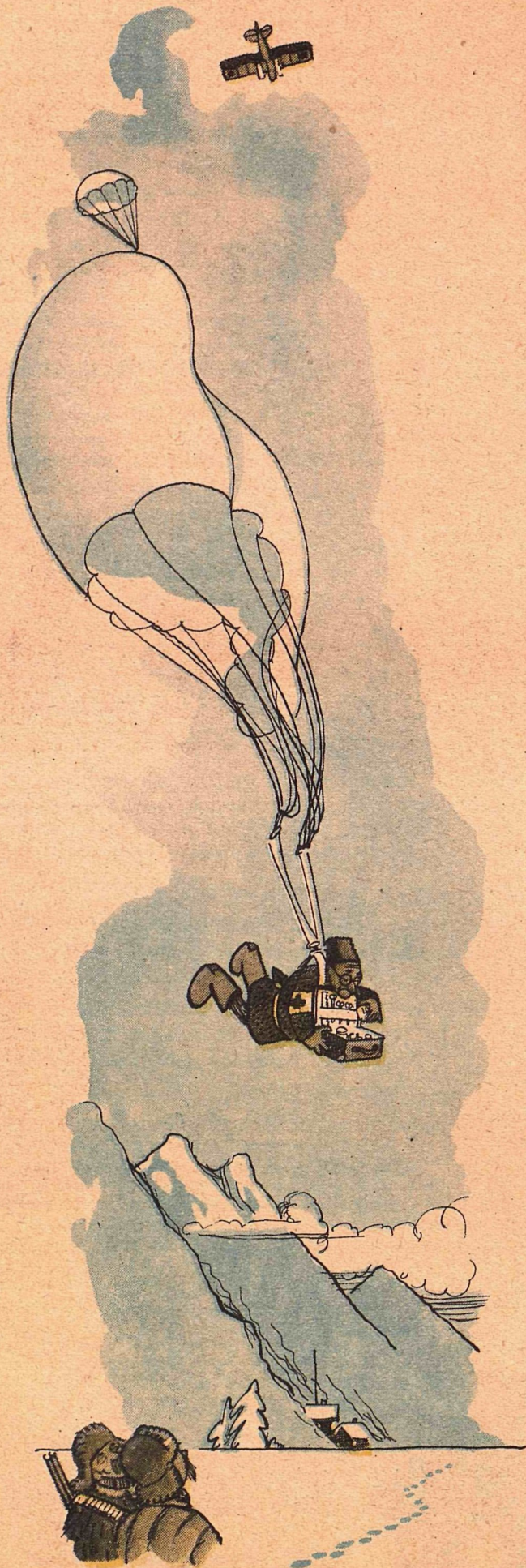
**ЧАСТЬ VI. РОКОВОЙ ФИНАЛ, ИЛИ РАЗРЫВ
ПОД ДИАФРАГМУ**

На экране ничего нет. Потом кусты. Пригорок. Крупным планом: овца кушает траву. Мелким — то же. Овца доела траву и пишет. На экране — финальная надпись:

«Не только в качестве акта международной солидарности, но и для обеспечения внутреннего спокойствия следует прекратить у нас деятельность Советской Миссии, пока не исчезнет беспокойство в нашей собственной среде».

ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКЦИИ. Надписи на экране взяты из опубликованного в нашей печати точного текста ноты уругвайского правительства о разрыве сношений с СССР.

— Должно быть, больному очень плохо.
— Почему?
— Видишь, как врач спешит—прямо затыжным прыжком спускается.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Иван Иванович Зацеппо, командированный в Москву солидным периферийным трестом, сам себя обокрал. Это тягчайшее преступление против самого себя Зацеппо совершил на второй день пребывания в нашей столице.

Никто из знавших Зацеппо никогда бы и не мог предположить, что внутреннее противоречие в этом человеке настолько сильно, что душа его настолько беспокойна. Наоборот, все знавшие Зацеппо всегда утверждали, что человек он весьма обыкновенный, простой и что если и есть в нем что-нибудь исключительное, то только то, что, играя в преферанс, он никогда не ходит под вистующего с сильной мастя. Но и это само по себе не имеющее прецедентов невероятное обстоятельство окружающие склонны были скорее приписать неумению играть в преферанс, чем тому, что в Зацеппо живут какие-то странные свойства.

И именно этот простой и обыкновенный человек совершил преступление, психологическую суть которого мы, не претендуя на лавры Ф. Достоевского, покажем. Другими словами, дадим развернутый психологический анализ.

Зацеппо приехал утром, днем он пошел по делам. Заклепок не было. Больше того, их и не могло быть, потому что они уже три дня, как были отправлены в Лоскуцк.

— Вы раз'ехались с заклепками, — сказали Зацеппо в учреждении.

И, может быть, потому, что ему так сказали, а может быть, совсем и не потому, но он пошевелил губами и с горьким возгласом «Эх вы, работнички!» покинул учреждение.

В универмаге Мосторга, куда отправился потом Зацеппо, продавец выложил на прилавок несколько кусков шолка, но на вопрос Зацеппо: «Какой цвет предпочитает женщина средних лет, невысокого роста?» — ответил так неопределенно, что Зацеппо пошевелил губами и с горьким возгласом «Эх вы, работнички!» покинул магазин.

Потом Зацеппо обедал у себя в номере, потом спал. В одиннадцать часов он проснулся. Было тихо. Кто-то в коридоре чихал и каждый раз приговаривал: «Ах, чорт тебя заберя!» Луч света из окна освещал чемодан на ковре и еще что-то. В углу скреблась мышь. Все это натолкнуло Зацеппо на мысль о выпивке. Через полчаса он сидел за столиком в ресторане и ужинал.

Первый графин он выпил в одиночестве. Второй — он распивал уже с каким-то гражданином, которого уверенно называл «Вася» и которому взволнованно доказывал, что жизнь периферийного работника необыкновенно сложна. Подали третий графин, и Зацеппо, проникшись необычайной симпатией к девушке, торговавшей в разнос фруктами и шоколадом, стал ей доказывать, что нет ничего веселее и вольготнее, чем жизнь периферийного работника, и поэтому усиленно звал ее на периферию. Четвертый графинчик был распит необыкновенно быстро, так как, помимо Зацеппо и Васи, в распитии его принимали участие еще двое граждан с унылыми лицами, которых Зацеппо, тем не менее, так же усиленно звал на периферию.

Потом... Собственно, Зацеппо не помнил, что было потом. Он проснулся днем у себя в номере и первое, что он сказал, было:

— Мы у себя в Лоскуцке тоже кое-что обозначаем, мы у себя в Лоскуцке имеем вес.

Но кому на этот раз сказал он это, было неизвестно, так как никого в номере, кроме него самого, не было. За окном гудела машина, вызывая кого-то из дому, моль летала по комнате, пахло нафталином. Все это натолкнуло Зацеппо на мысль о том, чтобы подсчитать деньги. Не хватало трехсот рублей.

«Почему же только триста? — сказал он себе. — Я думал — больше. Я думал: рублей семисот не хватает. Это как минимум».

ВЕРОЯТНЫЙ ВЫВОД

Рис. Ю. Ганфа

Через несколько минут он давал объяснения в милиции:
— Двое неизвестных подошли ко мне и, сказав что-то, отняли бумажник, в котором было 1957 рублей 13 копеек казенных денег.

— Сам себе, — сказал милиционер, сидящий в углу и просто, я бы сказал, лениво, разрешивший проблему.

— А то я не знаю? — сказал ему начальник отделения.

— Неужели приехавший периферийный работник не может рассчитывать... — начал Зацепко взволнованную речь.

Получив задание от редакции написать рассказ на эту тему, мы легли спать, не столько потому, что утро вечера мудренее, а потому что просто-напросто был уже поздний час и нам пора было спать. Полученные вечером редакционные задания имеют обыкновение сниться нам.

Мы увидели оклеенную веселенькими обоями комнатку, мы увидели человека средних лет с бородкой. Он спросил жену:

— Чемодан готов?

— Нет еще, — ответила жена, — надо еще носки положить.

— Потом, — сказал человек с бородкой, — пока выйди. Мне надо побыть одному.

И как только жена вышла, он прозернул такой разговор:

— Давай, давай деньги, чорт лысый! — сказал он себе.

— Караул!

— Крикни еще раз, башку расшибем.

— Вы не имеете права, деньги казенные.

— Давай, давай бумажник, поговори еще.

После этого человек с бородкой закричал жене:

— Маша, можешь войти. Клади скорей носки в чемодан, я опоздаю на поезд.

Мы проснулись в поту. И хоть казенных денег у нас сроду не было и хотя мы были всегда дома, а не в командировке, тем не менее мы бросились к бумажнику и проверили содержимое его. Успокоенные, мы заснули довольно крепко. Во второй половине сна нам приснился Зацепко, он говорил нам плачущим голосом:

— Чорт меня дернул поехать в командировку. Воровал себе на месте тихо, спокойно. И люди были мною довольны, и я был людьми доволен. Ну до чего же в Москве милиция опытная — это ученые юристы, а не милиционеры!

Потом Зацепко запел тоненьким, плачущим голосом:

«Я приехал на два дня —
Веселый разговор.
Обобрал я сам себя —
Веселый разговор».

На этом сон наш прервался, а утром мы написали вышеприведенный психологический рассказ.

КОНСТАНТИН ФИНН

ФОРМАЛИСТ

Когда он сунул газету в карман, заведующая читальней громко вскрикнула:

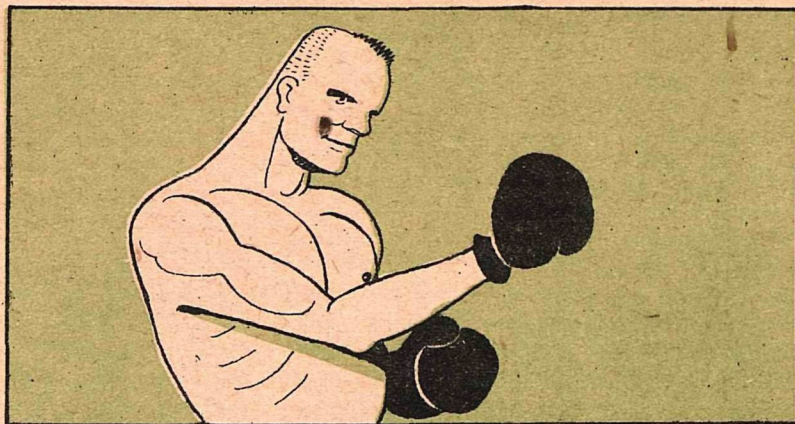
— Гражданин!.. Зачем вы тащите газету?! Что за безобразие на самом деле?!

Он строго посмотрел на заведующую и показал на плакат «Громкие разговоры воспрещены. Говорите шопотом».

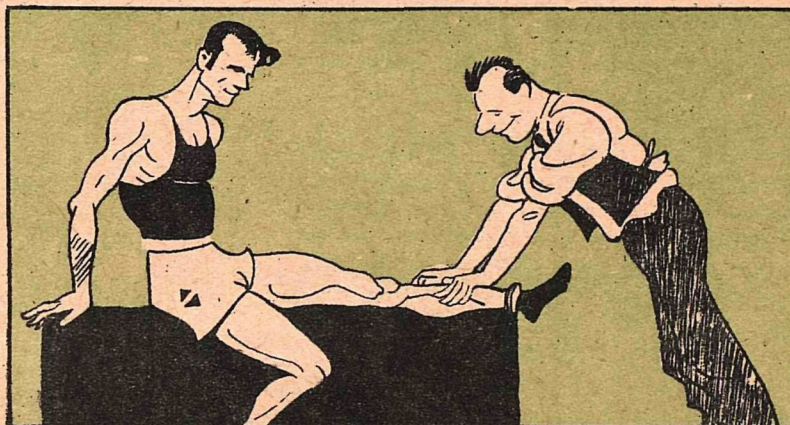
— Положите обратно газету, — прошептала заведующая.

— Вот так и говорите, — шопотом ответил он, положил украденную было газету на стол и медленно пошел к дверям.

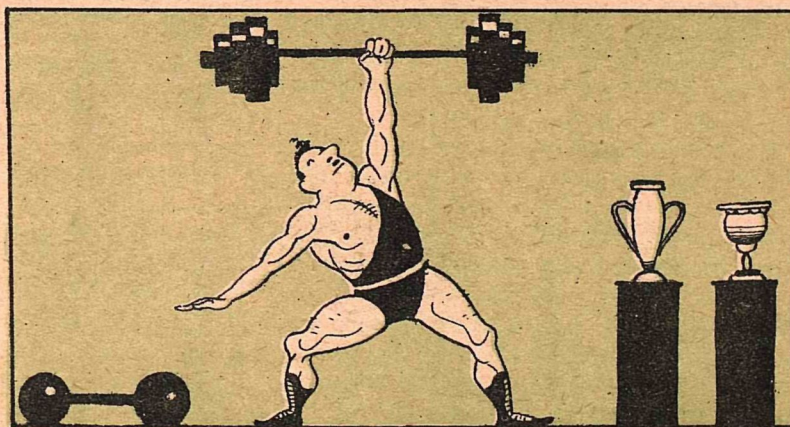
В. Т.

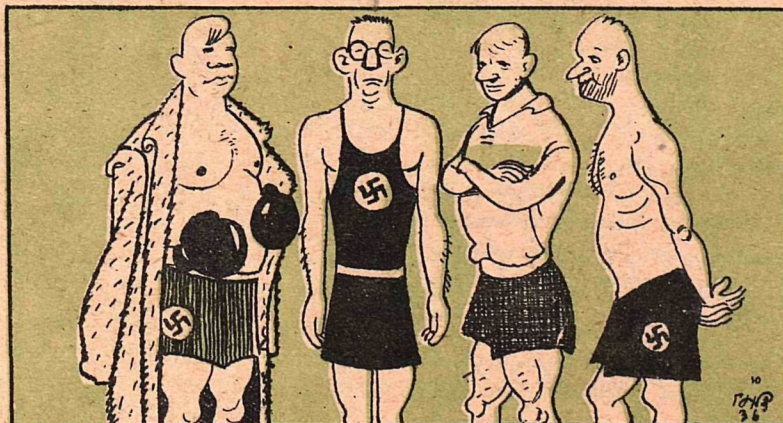
— Нет, я своей руки к берлинской олимпиаде не приложу, — сказал знаменитый боксер.

— Ноги моей не будет в Берлине, — сказал популярный чемпион по бегу.

— Видеть современную Германию даже для меня слишком тяжело, — сказал непревзойденный мировой гиревик.

— Но нет худа без добра, — сказали фашистские спортсмены, — еще несколько таких ответов — и все первые места на берлинской олимпиаде будут обеспечены чистокровным арийцам.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Ш И К

Прямо не верилось, что этот роскошный магазин возник на месте бывшего райкоопы. Все блестело в этом магазине, а свету было столько, что возникло опасение: как бы не ослепли покупатели.

— Ничего! — командирским, решительным голосом говорил заведующий. — Пускай синие очки в случае чего на пороге одеют!.. Никаких денег не пожалею. Чтоб шик был во всем! Товарищ Степаненко, куда бы еще лампочку ткнуть?

Художник Степаненко, молодой человек с черной квадратной бородкой, отвечал неспеша: — Подумаем... Вывеску иностранными буквами.

— Обязательно! Обязательно! — восклицал заведующий. — Чтоб шик был. Теперь это, знаете, главное...

— Вывеску иностранными буквами и здесь надписи тоже... Vchod... Vichod... Rutchka... — соображал художник. — Эх, жаль у Венеры Милосской рук нет, а то бы ее приспособить, чтоб в руках плакатик какой-нибудь держала...

— А, может, можно? В случае денег — не сомневайтесь. Для шикю ничего не пожалеем.

Художник вдруг всплеснул руками и показал на кота Ваську, который сидел на окне и жмурился от электрических лампочек.

— Это кто же?

— Это? Кот-с!.. Наш старожил... Как тут колбаса и так далее.

— Дорогой мой... Это ж провинция!

За кота расступилась кассирша в страшном берете цвета помеси крыжовника и морошки:

— Насчет чистоты напрасно беспокоитесь.

Кот на дню по десять раз моется.

Художник махнул на нее рукой.

— Что вы понимаете? Кот явно выпадает из стили.

— Убрать! — приказал заведующий. — Для шикю ничего не пожалею!..

Теперь на окне магазина сидит другой кот. Он сидит смиренно, не жмурится. Сделан он из гипса, у кота шикарные длинные брови, а вместо глаз вставлены маленькие зеленые лампочки.

ЛЮБОВЬ И ДОЛГ

Маленькая румяная подходила к кассе и платила 47 копеек. Это была стоимость самого дешевого продукта, стоявшего на полке, — горчицы. Кассирша выбила чек на 47 копеек, ставила на обратной стороне чека подпись и печать. Маленькая румяная подходила к продавцу Дроздову, протягивала чек, иногда говорила «Здравствуйте». Дроздов внимательно смотрел на чек и отвешивал два кило сыру, кило языковой, кило московской и брал с полки три коробки консервов. Подавал маленькой румяной пуконки, говорил:

— Так в полвосьмого на углу.

Дроздов подмигивал соседу, когда маленькая румяная уходила:

— Невеста.

Мордастый сосед ухмылялся:

— Ничего товар...

Много раз приходила маленькая румя-

ная и платила в кассу 47 копеек. Получала взамен сыр, колбасу, консервы. Как-то Дроздов не дал консервов, потом сократил выдачу сыра.

— Надоела уж... — говорил он мордастому соседу.

— Их привады, — хмыкал сосед и ножом чуть придерживал чашку весов.

Вчера маленькая румяная подала Дроздову чек на 47 копеек. Дроздов взял чек, протянул вместо него баночку горчицы.

— А в чем дело? — переспросил он. — У вас на 47 копеек?.. Горчицу?

— Да.

Дроздов пока что все так же стоит за прилавком. Горчицы на полках не убавилось.

АЛЬТРУИСТ

В приемной сидело двое — брюнет и гражданин неопределенного цвета. На столке около раскрытых журналов поблескивал графин с водой и стакан. Брюнет взял стакан:

— Возмутительно!.. Называется культура! Поставили графин, стакан, а полоскательница где, чтоб стакан помыть? Ведь другой, может, болен, а я должен после него пить. Мне-то наплевать. Я, знаете, в этом отношении, так сказать, пострадать за других могу.

— Нет, все-таки, конечно... — бормотнул гражданин неопределенного цвета, направляясь в приемную.

— Да я-то что... Я в этом отношении фаталист и альтруист... Я о других думаю.

Посидел рядом с графином. Оглянулся, вынул стеклянную граненую пробку и начал пить

прямо из горлышка графина. Вытер аккуратно рот и сказал, закрыв графин:

— Мне-то конечно что. Как я альтруист и фаталист... А вот другим, да...

ДВОЙНАЯ ВЫГОДА

Это была новость. Похоже на кадр из кинокартины «Невидимка». К буфету тянулась очередь. Потребители сами выбирали себе облюбованный товар и платили согласно прейскуранту. А буфетчика не было вовсе.

— Не задерживайте, граждане!..

— Сию минуту. Как бы не обсчитать. Двадцать семь копеек и тридцать пять. Это сколько ж?

— Извиняюсь!.. Разрешите вне очереди. Две копейки лишних взял!

На тарелочке звенело серебро, шелестели бумажки.

— Мамаша! Не перетрагивайте все пальцами! Привыкли, чтоб вас буфетчик за пальцы дергал!..

Милые!.. А если мне поругаться, так с кем же теперь? Прежде с буфетчиком лалясь!

Кое-кто заглянул за буфет. Не сидит ли там где буфетчик? Нет, никого не было. Через полчаса, когда продукты из этого «буфета на совесть» были расхвачены, появился работник прилавка. Его окружила толпа любопытных. Он начал считать деньги.

— Вот черти, — хмуро сказал он, — уж действительно, что черти.

— Что, много недостает? — спросили его.

То-то, что нет. Еще две копейки лишку. Безобразие какое!..

— Чего ж вы? Радоваться надо. Народ какой пошел.

Работник прилавка хмуро посмотрел на зрителей, буркнул:

— А нам, значит, ни утруски, ни усушки, ни лишку сдачи?..

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Молодой пожарный дежурил в театре первый раз. Услышав со сцены громкое гребование Чацкого: «Карету мне, карету!..», побежал и вызвал карету скорой помощи.

— Ну где больной? — спросил брат милосердия, когда, наконец, карета прибыла.

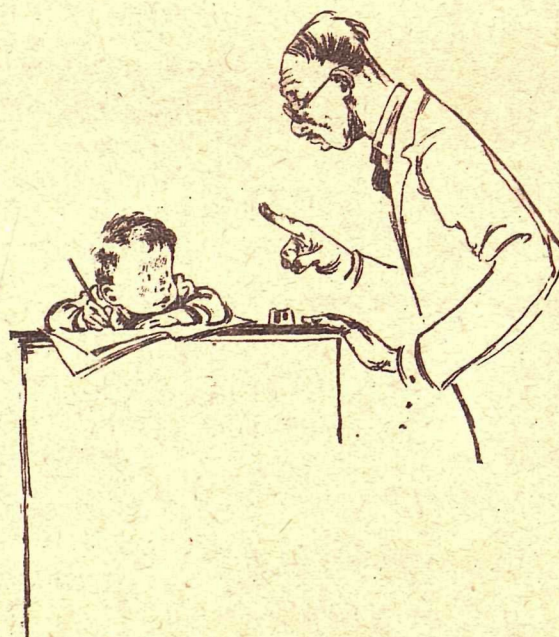
— Хватились. Только что помер. Ну-ка, посторонись!..

Со сцены выносили мертвого Германа: был вечер следующего дня. «Пиковая дама» закончилась. Зрители бежали за калашами.

В. ТОБОЛЯКОВ

ДЕРЗКИЙ УЧЕНИК

Рис. М. Храпковского

— Ах, вот ты какой! Отметки поправлять!..
— Честное слово, не отметки: грамматические ошибки в журнале.

П И Я В О Ч К А

В половине двенадцатого из спальни доносится крик-тенье. Вслед за этим в столовую в японском цветном халате, одетом на ночную рубашку, входит Татьяна Львовна — жена Николая Петровича, очень красивая шатенка, несколько монументального телосложения — и твердой рукой снимает телефонную трубку.

Детей у Татьяны Львовны нет. Она против деторождения из соображений эстетического порядка: дети портят фигуру и вообще... пищат. Работать она не может по той простой причине, что ничего не умеет делать. Пробовала Татьяна Львовна заняться иностранными языками, но оказалось, что больше десяти слов не может запомнить. Поэтому ее познания по французскому языку ограничиваются фразой: «Дайте мне чаю», а по немецкому: «Мой брат стоит у окна».

Единственное, что Татьяна Львовна умеет делать великолепно, неподражаемо, классически, — это ревновать. Она ревнует Николая Петровича ко всем без исключения знакомым малознакомым и вовсе незнакомым женщинам, а также и к его первой жене, которая со взрослой дочерью живет где-то в Сибири.

Сегодня ее рабочий день начинается с телефонного разговора:

— 3-16-48. Мерси. Алло! Можно Николая Петровича? Это ты? Это я.

Трубка голосом Николая Петровича робко говорит:

— С добрым утром, Танюша. Может, ты позвонишь через полчаса? У меня, понимаешь ли, срочный доклад. Надо посмотреть кое-какой материал.

— Я знаю, как этот материал зовут, знаю!

— Его зовут «Итоги выполнения строительной программы за четвертый квартал текущего операционного года».

— Никаким его кварталом не зовут. Его зовут — Ниночка. Твоя секретарша... Эта рыжая дура.

— Во-первых, Ниночка — брюнетка. А во-вторых, ее даже в гресте нет. Она больна.

— Все равно, рыжая дура. Откуда ты знаешь, что она больна?

— Она прислала мне бюллетень.

— Ах, она уже вам пишет бюллетени? Николай, если ты немедленно не пришлешь с курьером этот бюллетень, я не знаю, что я с тобой сделаю.

Молчание.

— Николай, — томно вздыхает Татьяна Львовна, — Николай, сию же секунду скажи мне что-нибудь ласковое. У меня вся душа изныла.

Трубка молчит. Потом с легким стоном туго сообщает:

— Пивочка!

— Почему пивочка?

— Потому что мешаешь мне работать.

Татьяна Львовна с силой бросает трубку и начинает бегать по комнате. Халатик ее развеивается, как фантастический желто-розовый парус, непричесанные волосы стоят дыбом.

«Все ясно, — ликорадожно размышляет Татьяна Львовна, — он меня разлюбил. Конечно! Но эта девченка-секретарша тут не при чем. А тут при чем Вера Антоновна. Не даром она на него так смотрела тогда, у Перилых».

Страшные картины одна за другой проносятся в мозгу Татьяны Львовны. Вот Николай Петрович бросает ее. Вот, даже не успев выкупить беличье манто, она уезжает в Тулу, к матери. Вот Вера Антоновна, хищно хохоча, в ее беличьем манто входит в столовую. В ее столовую!

Татьяна Львовна снова бросается к телефону:

— 3-16-48. Мерси! Можно Николая Петровича? Это Николай Петрович? Говорит Вера Антоновна.

Трубка удивляется:

— Здравствуйте... Вера Антоновна! Каким ветром вас ко мне надуло?

— Он еще спрашивает. Николай, говори свободно, не бойся, его нет дома.

— Кого нет дома? Ничего не понимаю.

— Мужа нет дома. Сию же секунду... это самое... скажи мне что-нибудь ласковое.

— Во-первых, Вера Антоновна, я не помню, чтобы мы с вами пили на брудершafft, во-вторых, из тебя, Танюша, артистки все равно не выйдет, в-третьих, еще раз умоляю: не мешай мне работать.

Татьяна Львовна огорченно кладет трубку. Проверка по телефону — увы! — не состоялась.

Через два часа Татьяна Львовна сидит у Веры Антоновны, художавой брюнетки, с выпуклыми глазами, похожими на автомобильные фары, и, испытываясь глядя на ее переносицу, рассказывает, как безумно любит ее Николай Петрович:

— Знаете, Верочка, не далее, как вчера, он привел меня в магазин и сказал: «Танюша, пивочка моя, — это он меня так зовет ласкательно, — покупай себе все, что тебе только нравится». Я говорю: «Мне все нравится». Он говорит: «Вот все и покупай». Я купила себе чудное белье. Рубашечки — просто прелесть! Вот здесь — плиссе, плиссе, плиссе, а тут — филе, филе, филе.

Татьяна Львовна искусно плетет затейливое кружево разговора, единственная цель которого — узнать, что сказал Николай Петрович Вере Антоновне у Перилых, когда Татьяна Львовна неосторожно оставила их вдвоем, выйдя в ванную вымыть руки.

Ее дипломатические ухищрения прерывает визит поэта Кирасова. По тому, как здороваются поэт Кирасов с хозяйкой квартиры, опытная гостья сразу понимает, что сердце Веры Антоновны занято прочно. Торопливо попрощавшись, успокоенная, Татьяна Львовна едет домой.

Она поднимается по лестнице, умиротворенная, голубая, с приятным чувством трудового удовлетворения: сегодня она хорошо поработала. Отпирает английским ключом дверь. И останавливается как вкопанная. Из столовой доносится незнакомый женский смех и баритон Николая Петровича.

Татьяна Львовна врывается в столовую и видит молодую девушку в синем вязаном костюме, которая целует Николая Петровича в бороду.

— Николай! — кричит Татьяна Львовна, роняя кулек с мандаринами. — Что это значит?

— Не волнуйся, Татьяна. Это же Мурка, — смущенно говорит Николай Петрович. — Она сегодня приехала из Сибири погостить к нам. Смотри, какая большая выросла! Выше отца!

Татьяна Львовна, криво улыбаясь, целует девушку в тугую холодную щеку. «Ух, слава богу, пронесло!» Но страшная мысль тут же озаряет ее бедную голову:

«У этой Мурки, наверное, есть подруга. Краснощекая. Молодая. Парашютистка. Она придет к ней в гости и соблазнит Николая Петровича».

Новая вспышка магия:

«Николай Петрович соблазнен. Краснощекая парашютистка в ее, Татьяны Львовны, беличьем манто сгасает на парашюте прямо в столовую. В ее столовую!»

Татьяна Львовна быстро проходит в спальню и зовет Николая Петровича:

— Николай! Немедленно, сию же секунду, скажи мне что-нибудь ласковое. Иначе я не знаю, что я с тобой сделаю.

— Пивочка, — тоскливым шопотом сообщает супруге Николай Петрович.

— Почему пивочка?

— Потому что мешаешь мне жить.

Рис. Ю. Ганфа

Яблочко от яблони недалеко падает.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

РОСКОШНАЯ ЖИЗНЬ

Кабинет драматического писателя. Автор сидит за письменным столом, читая рукопись Жена на диване слушает чтение.

Автор (закончив чтение). Ну, как ты находишь?

Жена. Мм... Скучновато.

Автор. Это проблемная пьеса. Я пишу о красоте нашей жизни, о молодости страны, о бодрости...

Жена. Ах, боже мой, скучновато.

Автор (раздражаясь). Я не знаю, чего ты хочешь.

Жена (дымя папирсой). Прежде всего — сюжет...

Автор. Сюжет самый простой: старый академик Фирсов с группой своих учеников предпринимает восхождение на одну из величайших вершин. Ими руководит отвага. Они хотят прославить родину еще одним замечательным

рекордом. В пути один из них гибнет, попадая в трещину...

Жена. Вершина. Гибель. Трещина. Не знаю, кто будет смотреть такую пьесу.

Автор. Примеры человеческой отваги привлекают нашего зрителя.

Жена. Пожалуйста, пожалуйста... Но где же тут красота?

Автор. В энергии. В бодрости духа.

Жена. Кого?

Автор. Духа. Ты невнимательно слушала пьесу.

Жена. Ах, голубчик, прости меня за откровенность, но ты совершенно не знаешь современного зрителя.

Автор. Чего же он, по-твоему, хочет?

Жена. Ах, боже мой, зритель хочет роскошной жизни. Он вправе ее требовать...

Автор. Конкретно.

Жена. Пожалуйста, пожалуйста... Прежде всего — музыка.

Как может мало-мальски приличная пьеса быть без патефона? Я не требую джаза, но без патефона просто безграмотно. По-моему, патефон — душа новой драматургии.

Автор. Чешуха!

Жена. Ну, не душа, но какой-то очень существенный орган.

Автор. Патефон можно приспособить. Кто-нибудь из действующих лиц, инженер Крюков, допустим, прихватил с собой в дорогу патефон. Правда, это не полагается для туриста, но в общем мелочь.

Жена. Отнюдь не мелочь, голубчик. Это тон, который делает музыку. Центральный герой должен обязательно играть на каком-нибудь инструменте. Это так принято. А наиболее чувствительные сцены должны идти под патефон. Теперь основное, самое существенное, без чего никак нельзя...

Автор. Ну, что еще?

Жена. Вечеринка.

Автор (вздрагивая). Ты с ума сошла, какая вечеринка?..

Жена. Ах, голубчик, с тобой невыносимо трудно говорить по творческим вопросам. Неужели ты не понимаешь, что без уютной вечеринки пьеса не будет иметь успеха? Лучше всего в последнем акте. Цветы. Фокстрот. Вино. (Автор вскакивает и начинает ходить по кабинету.) Это — правило каждой современной пьесы. Ты просто не следишь за драматургией.

Автор (хватаясь за голову). Вечеринка во льдах!

Жена. Танцовать можно всюду.

Автор. На ледяной вершине?

Жена. Ничего страшного. Подумаешь, Художественный театр!

Автор. Но пойми же, Лелечка...

Жена. Все ведущие драматурги следовали законам своего времени. Теперь почти в каждой пьесе вечеринка. Я сама слышала, как Мария Ивановна, очень остроумная женщина, прямо так и сказала: «Мы идем в театр смотреть вечеринку». Ах, боже мой, зритель при-

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ВОРОБЬЯМ

Рис. Б. Малаховского

—Товарищи по перу! Сегодня исполняется три года нашего беспрепятственного проживания в этом до сих пор строящемся уютном здании. Предлагаю послать приветственную голубеграмму строителям дома.

POTSDAMERPLATZ

— Куда мы поедем в этом году худеть: в Карлсбад, Мариенбад, Наугейм, Висбаден или Киссинген?

— Я думаю, что эффективнее всего оставаться здесь, в Берлине.

вык. Он не может иначе. Или вечеринка или именины героя. Выбериай.

Автор. Какие могут быть именины, когда люди в напряжении всех своих сил овладевают величайшей вершиной. Мороз. Вьюга. Гибель товарища...

Жена. Пожалуйста, пожалуйста... Но я бы на твоём месте этой гибели не допустила. Мрачно. Пахнет серьёзными осложнениями. Не хочу тебе пророчить, но вспомнишь меня: этот погибший в репертуаре не пройдет.

Автор (задумчиво). В крайнем случае, можно его спасти.

Жена. Ну, конечно, и тогда есть все основания устроить маленькую семейную вечеринку. Пойми, голубчик, что таким образом ты блестяще разрешаешь свою проблему. Бальные платья с разрезом на спине, модные пиджаки с обстриженными лацканами... Центральный герой... Как его, академик Фирсов... женится на своей лаборантке...

Автор (мрачно). Академику шестьдесят два года, у него сыновья с бородой.

Жена. Пожалуйста, пожалуйста... Но раз он герой, он обязательно должен жениться в свои шестьдесят два года. Это так роскошно. Где-то играет джаз...

Автор. Должно быть в духане на Эльбрусе.

Жена. Ничего страшного.

Автор. Ты забываешь об одной незначительной детали: вокруг вечное молчание льдов, фирновые поля, и ни-

какие ваши бальные платья в подобной обстановке не мыслимы.

Жена. Теперь о льдах. Я все хотела тебе сказать, но ты так с ними свыкся. Голубчик, зачем эти льды? Без них никак нельзя?

Автор. Так задумано.

Жена. Я понимаю, тебе трудно с ними расстаться. А не лучше ли теплая квартирка, венецианские окна, шёлковые занавесы?.. Ну хотя бы в последнем акте. Пусть первые два в холоде, а потом температура неожиданно поднимается. И все останется как в пьесе. Это гораздо красивее.

Автор. Я не желаю, чтобы температура поднималась.

Жена. Пожалуйста, пожалуйста... Мерзни в своих льдах. (Надувшись.) Не понимаю только одного, зачем в таком случае обращаться за советами.

Автор. Мольер читал своей курхарке.

Жена. Но ты не Мольер, голубчик.

Автор. А ты, к сожалению, не курхарка. (Пауза. Автор лихорадочно перелистывает рукопись.) Что ж это получается по твоему рецепту? (Читает.) «Академик Фирсов (поднимаясь на вершину): «Друзья мои, мы достигли цели... Какая величественная картина...» Ремарка: снежные вершины озарены заходящим солнцем. Все стоят молча». К чорту, вымарать! Вместо этого вставляем: «Академик Фирсов: «Друзья мои, мы достигли цели... Выбирайте тамару». Голоса: инженера Крюкова, Ивана Петровича: «Просим». Ремарка: неожиданно накрывают на стол, появляются цве-

ты, закуски, вина. Иван Петрович восклицает прерывающимся голосом: «Первый тост за дам!» Лаборантка Жена запекает задорно и молодо: «Сердце, как хорошо, что ты такое...» Откуда-то доносятся звуки джаза. Термометр бешено поднимается». Так лучше, не правда ли?

Жена. Во всяком случае правдоподобнее.

Автор. Ты находишь!.. Идем дальше: «Джаз все громче. Температура 22 градуса выше нуля. Снег неожиданно стаял и появились бальные платья. Академик Фирсов, беря за руку свою лаборантку: «Дорогая Жена, я давно хотел вам сказать...» Восклицания: «Горько, горько» заглушают его слова. Растроганный академик смахивает слезу. Жена прячет лицо у него на груди...» (Потрясающая рукописью). Ха-ха-ха, чудный финал, не правда ли?

Жена. Очень мило. Но согласись, голубчик, что веселья всеж таки маловато...

Автор. (Придя в ярость). Что такое! Маловато?! А пошлости не маловато? А? Что скажет ваша Марья Ивановна с разрезом на спине! Но я не для нее пишу. Слышишь, не для нее!..

Жена. Пожалуйста, Пожалуйста. (Со вздохом). Я не понимаю только одного, голубчик, зачем себя мучить... Все так просто...

(Автор мрачно садится за стол. Насыщенная электричеством пауза).

Б. РОМАШОВ

НОВЕЛЛЫ ИЗ ЦИКЛА «ТЫСЯЧА»

Его взяли под стражу, отправили в лагерь. Вокруг были утесы, глинистый берег, замерзшая река, начатые котлованы и стройки. Были зябкие утра, когда с непривычки рано вставать в глазах резь. Холод в палатках, согревание чаем, который варился на костре, физическая работа, крепкий сон в любое время, когда только можно было.

Полная перемена обстановки. Он не грустил и не страдал: было некогда: работа, заботы, резко изменившийся быт. Начал дорожить сном. Сон при усталости на первых порах стал драгоценным. И вдруг его разбудили в половине пятого утра. В чем дело? Он вчера вечером был на работе и не знал, что весь отряд согласился пойти в театр в шесть часов утра, а идти до города — восемь километров. Вставание было шумное: заключенные быстро и весело одевались, пошучивали, были явно довольны и шли в утренних зимних потемках, кутаясь в ватные куртки и шинели, совсем по-праздничному. Почему спектакль в шесть часов утра? Ясно: театр заезжий, спрос на него большой, вечер был, очевидно, занят. А может быть, были и другие соображения — так или иначе, вот, пожалуйста: кто хочет видеть спектакль, идите в шесть часов утра. Конечно, все пошло. И никогда в жизни он не испытывал такого остро, грустного, волнующего, радостного и блаженного состояния, как в это утро.

Он и смеялся местами, и вытирал на глазах и щеках обильные слезы. Он глубоко опускался в кресло и замирал от волнения, от сложных чувств и мыслей, но и хохотал вместе со всеми, когда со сцены шло в зал смешное. Вместо пяти лет он пробыл в заключении около двух. Сейчас он в столице, много работает, хорошо себя чувствует, в театрах бывает часто, но спектакль в шесть часов утра запомнил на всю жизнь.

Если взглянуть в ее лицо, то можно заметить постоянную склонность к смущению. Она считает, что чем-то отличается от других колхозниц: все работают в поле полностью, а она — только половину. Половина трудовой ей засчитывается за хождение через день на станцию — в четырех километрах от села. Она ходит на станцию за почтой, приносит ее, разносит по избам, подписывает колхозников на газеты, организует переписку между колхозниками и рабочими фабрики, находящейся неподалеку от станции. Убеждает колхозников писать рабочим письма о том, например, как улучшить огород. Она знает содержание почти всех писем, какие приходят в село, хотя не вскрывает их.

Она даже знает, кто и от кого получает любовные письма. Работает она добросовестно: письма не пропадают, приходят вовремя, газеты получают все колхозники, правда, только районные. Центральные получают правление колхоза и еще несколько человек. Дорога на станцию интересна. На дороге своя жизнь. Проезжают автомобили, повозки, ходят всякие люди. Многим приглянулась почтальонша, круглолицая, с русой головой, внимательная. Ее часто приветствуют с автомобилей и предлагают подвезти. Она смущается и отказывается. Нет. Ей неудобно, особенно когда она идет с почтой. При ней письма, часто деньги. Нет, спасибо. Некоторые машины она любит встречать. В некоторых приятные голоса, обжигающие глаза. У нее был муж. Муж переехал в другое село и женился там. Она живет одна с ребенком. Неприятно, что о ней иногда говорят, некоторые жалеют. Это смущает ее. Но тут, по дороге, какая бы ни была погода, она чувствует себя хорошо, радостно, ветер взмывает ее, солнце прогревает. Она часто поет, всматривается в даль. Узнает по контурам, кто идет. Есть одна машина, которую она очень хотела бы встретить. Она уверена, что рано или поздно эта машина остановится около нее и человек, сидящий в ней, выйдет и скажет ей в настоящих, полновесных словах то, что нужно, о чем она мечтает и в ожидании чего поет, когда проходит рощу или когда отдыхает у пруда.

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

ХОРОШАЯ РАБОТА

К Соколовым пришла их знакомая, хорошеенькая девушка Валя. Села в кресло, закурила и начала нить:

— Что за профессия — счетовод! Щелкай и щелкай на счетах. И люди-то какие-то серые, неинтересные кругом. Вот, в кино бы поштупить!

В комнату вошел доктор Сапелеч.

— А я вам гостей привел, — обратился он к хозяевам. — Кинорежиссер. Звезда. Восходящее светило! — и, давая дорогу входившим мужчине и женщине представил их. — Супруги Янтарева!

Валя вскочила и метнулась в другую комнату. Вышла она оттуда напудренная, с заново подкрашенными губами и в'елась глазами в пришедших. Супруга Янтарева, смуглая худощавая женщина, Вале не понравилась.

«Вот они, жены знаменитостей, — подумала она, — ничем непримечательна. Совершенно счетоводка».

Зато перед Янтаревым она застыла завороженная, как кролик перед удавом.

«Яркий! Дивный! Неужели судьба?» — восторженно подумала она, не отрывая глаз от полного бритого лица и модного галстука в крапинку.

Она не отходила от Янтарева весь вечер, села рядом с ним и мучилась, не зная, как лучше обратить на себя его внимание.

Говорили о литературе. Янтарева оказался начитанным человеком, удачно цитировал классиков. Потом он остроумно рассказал о своей поездке в Сочи. Наконец, заговорил о работе.

— Сейчас занят день и ночь, — сказал он, — зато и результат налицо.

— Устаете вы, конечно, безумно, — тожно сказала Валя и вздохнула. — Зато какое удовлетворение! Какая работа!

— Работа полезная. Хорошая работа, — согласился Янтарева. — Ну и удовлетворение, конечно, большое. Да оно, впрочем, во всяком деле так, если чувствуешь, что пользу приносишь.

— Ах, не во всяком! — махнула рукой Валя. — Я вот счетоводом работаю. Тоска!

— Дело, значит, плохо поставлено, — покачал головой Янтарева. — Какая же тоска на работе!

Валя нежно взглянула на него.

— Возьмите меня к себе. Я бы так работать стала! Так бы стала!

— Что ж, приходите. Работники нам нужны позарез.

— Правда?!

— Хоть завтра. Давайте я вам адресок напишу.

Валя прижала ладони к пылающим щекам.

— Вот, — протянул Янтарева бумажку. — Как на завод придете...

— На какой завод? — удивленно подняла брови Валя. — Разве вы на заводе с'емки производите?

— Какие с'емки? — в свою очередь удивился Янтарева. — Мы годовой отчет заканчиваем.

— Так вы...

— Я главный бухгалтер завода, — сказал Янтарева.

— А кто же... кинорежиссер? — упавшим голосом спросила Валя.

Янтарева кивнул головой в сторону жены, прощавшейся в это время с хозяйкой.

— Так как же, ждать вас завтра? — спросил он, протягивая Вале руку.

В. КАРДОВСКАЯ

ХАРБИНСКАЯ НЕВОСПИТАННОСТЬ

Надо прямо сказать, что не все население Харбина обучалось в детских садах под присмотром опытного педагогического персонала. Есть еще кое-какие изъяны в воспитании харбинского населения. Поэтому, когда месяца три назад Харбин посетил император Манчжоу-Го г. Пу И, встретилась острая надобность в срочном перевоспитании харбинцев.

И надо отдать справедливость японским властям, что меры для этого были приняты самые радикальные. Как мы слышали, прежде всего было обращено внимание на начальника харбинской полиции генерала Цзин Жун-гуя.

Оказывается, что г. Гуй любит ходить с пистолетом.

— Положите пистолетик на это место, — ласково и тихо предложили г. Гую, — уедет его величество, снова будете гулять с пистолетиком.

Генерал Гуй — скромный генерал. В конце концов, не пистолет украшает добродетель. Генерал спешно выдал свой браунинг и робко ходил по городу с одной пустой кобурой.

Но, будучи все же опытным администратором, решил, что в порядке живой очереди надо подтянуть и еще кое-кого на время пребывания в Харбине высокого гостя.

И издал следующее распоряжение:

«В связи с установлением особенных временных правил по охране города все замеченные на улицах собаки, независимо от того, имеют ли они ошейник с номером или нет, будут ловиться и уничтожаться. Население предупреждается об этом, и ему рекомендуется временно посадить своих собак на цепь, до отмены этого распоряжения» («Гуй Бао» от 6/IX 1935 г.).

Но генерал без пистолета и собаки на цепи — этого все же слишком мало для торжественного настроения в городе.

Хотелось бы еще какой-то теплоты в душах харбинского населения. Так сказать, слезы умиления и детской радости.

И тут-то харбинцы и показали себя с самой дурной стороны.

Специально для них, а не для кого-либо другого все харбинские газеты в дни пребывания г. Пу И в Харбине печатали его портреты. Много портретов. Разных.

Население рассматривало портреты. Но вдруг случилось что-то неожиданное. Не будем допытываться, что именно, но властям пришлось опубликовать следующее строгое распоряжение:

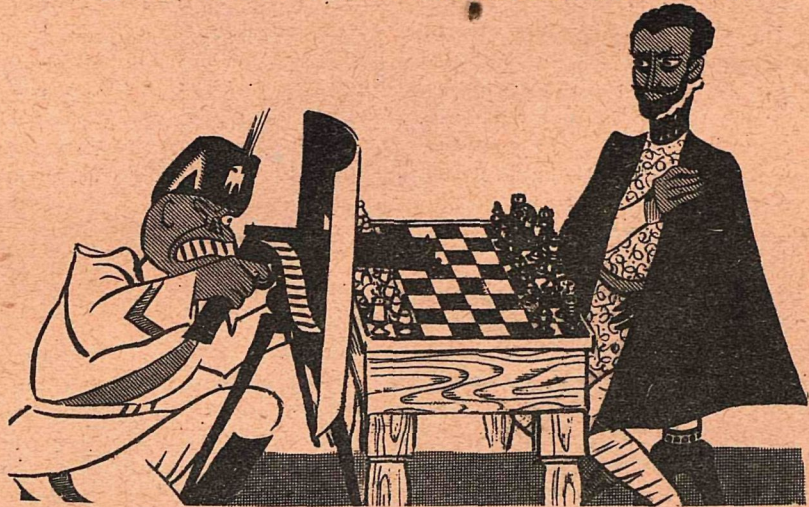
«Ввиду того что сейчас в газетах печатаются портреты его величества, необходимо обращаться почтительно с теми номерами, в которых эти фотографии помещены» («Харбинское время» от 10/IX 1935 г.).

Сообщаем все эти факты исключительно для характеристики невоспитанности харбинского населения. И это в такие торжественные дни!

А. П

НА СУШЕ И НА МОРЕ

НОВОСТИ ШАХМАТНОГО СПОРТА

Так как среди наших читателей немало шахматных игроков, знакомых со всевозможными вариантами партий, помещаем для них новый — из голландского журнала «Де Нотенкракер»:

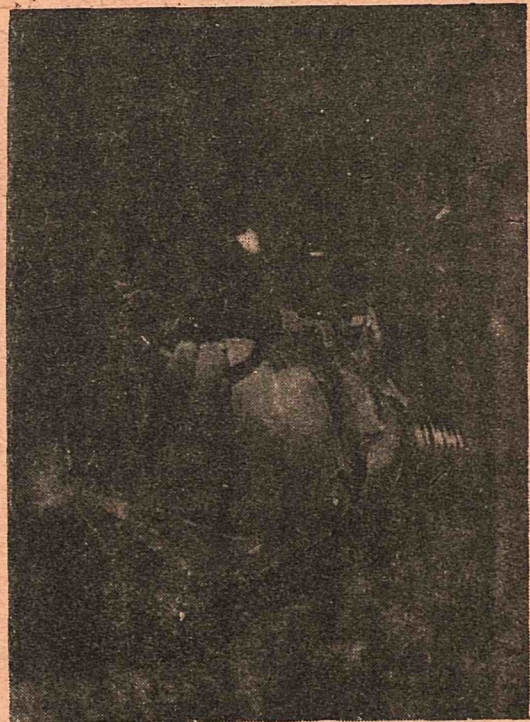
ИТАЛЬЯНСКИЙ ГАМБИТ

Каково соотношение сил обоих игроков, сразу видно по расположению фигур. Особенно левой, с пулеметом. Но кто победит: белые или черные, — это еще должно решиться при помощи самого тонкого анализа.

НЕДЕЛИКАТНЫЙ ВОПРОС

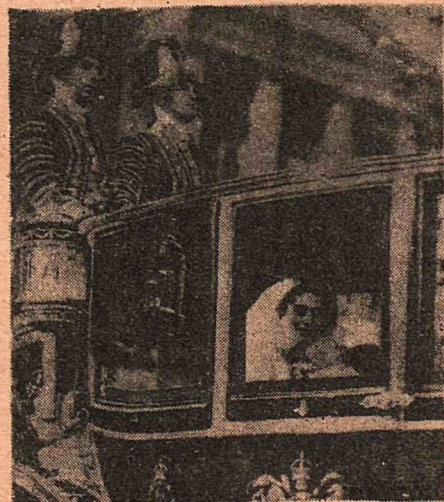
Фото из парижского журнала «Вю», изображающие: 1) воду, льющуюся из графина, и 2) электролампочку в тот момент, когда она разбивается молотком.

Помещаем эти любопытные фото исключительно с целью тонкой постановки злободневного вопроса: если можно успеть снять льющуюся воду и разбиваемую лампу, — почему, спрашивается, наши фоторепортеры и кинохроникеры зачастую не успевают снимать события нашей внутренней жизни и запаздывают на излишне солидные промежутки времени?

АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНСПОРТ

Вид городского транспорта, который никогда не будет освоен в СССР. Карета леди Алисы Скотт, невесты герцога Глостерского. Город Лондон. Декабрь 1935 года. Леди едет на свадьбу. С герцогом. Полагаем, что в такой карете прошлого дальше и не с'ездишь. Обслуживание пассажиров при помощи двух лакеев на запятках имеет 800-летнюю давность и отмечено портом Козьмой Прутковым в звучных стихах: «Трясаясь, Пахомыч на запятках пук забудок вез с собой».

В вагоне пригородного поезда разместилась шумная и веселая группа молодежи: четыре парня и две девушки. В одном отделении с этой молодежью оказался средних лет гражданин с такими густыми бровями, что издали казалось, будто это усы. Гражданин внимательно смотрел на своих соседей и обнаружил, что у всех шестерых грудь украшена похожим на каплю значком парашютиста.

— Вы, я смотрю, все парашютисты? — спросил он. — Прыгаете, значит. Лично я одно время тоже приналет было на парашют. Один раз даже поехал на аэродром, но за две остановки вылез и — назад... У нас, знаете, как-то не обращают внимания на этот спорт... Не ценят...

— Почему не ценят? По-моему, у нас в стране редкое внимание уделяют парашютизму.

— Не знаю, — сухо сказал бровастый гражданин. — Вот я вам расскажу мой случай. Лично я работаю в Кузпромсоюзе. Учетно-расчетно-счетная часть. Хорошо. Раз как-то после занятий заходим мы компанией сослуживцев в ресторан. Мы там всегда бываем. Только после семи часов вечера лучше туда входить с черного хода, потому что через парадный в это время как раз начинают выбрасывать пьяных и свободно можно получить по морде. Ну, очень приличный рестораник. Вот, значит, мы немножко выпили, закусили. Разговариваем о том, кто сколько получает, кто у нас на работе стерва, кто против кого склоку ведет... И, между прочим, Крутошамов, мой приятель, плановик-рядовик, говорит:

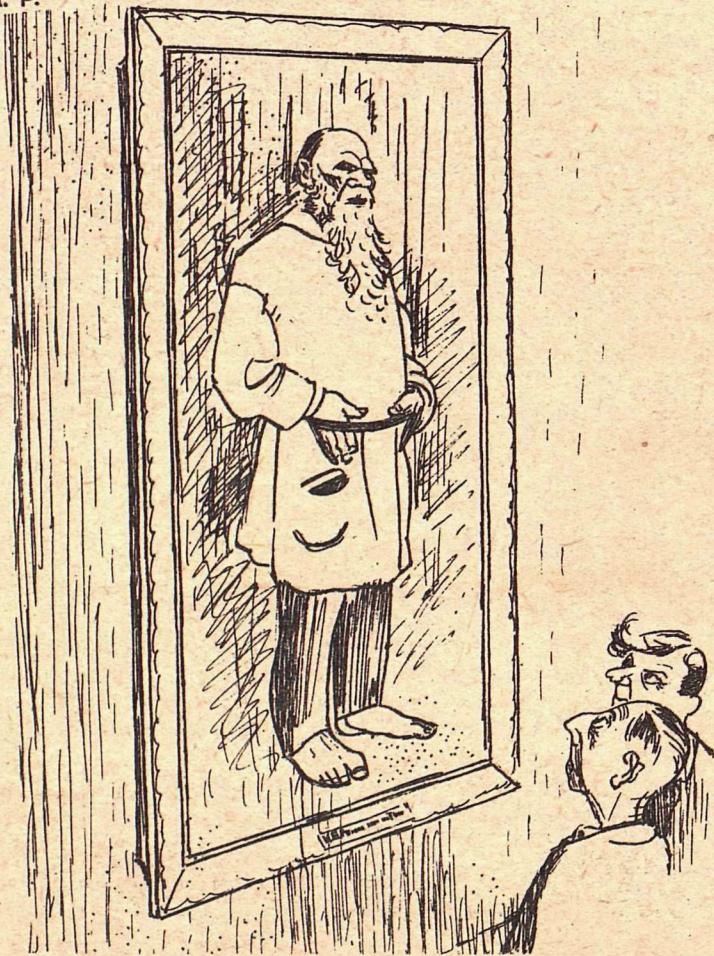
— Кстати, вы слышали, что было с Щекотихиным? На банкете в честь рязанской конторы он укусил нашего председателя товарища Мушинера в правую подмышку.

— Как так? За что?

— Одни говорят — из ревности, другие говорят — в виде протеста против урезанной сметы.

СВОЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Рис. Н. Р.

— А большие, должно быть, ноги были у старика...

— Почему?

— А видишь: ботинок своего номера достать не мог. Босиком ходил.

Кто-то отвечает:

— Да, видать, с Щекотихиным худо, то-то он такую бешеную общественную работу развил, прямо носом землю роет: вчера приходил меня записывать в парашютный кружок.

И тут, знаете, весь разговор поворачивается к вопросу о парашютах.

Крутошамов говорит:

— Я себе просто не представляю, как это я, с моими ногами, с моим животом, вдруг выйду на крыло аэроплана и моими ногами буду прыгать в небо.

А лично я, надо сказать, уже выпил. А когда я под мухой, то мне всегда хочется что-нибудь доказывать. Я и говорю Крутошамову:

— Почему же? Логически рассуждая, прыгнуть можно.

— Хотел бы я посмотреть, как это ты, например, будешь прыгать и при этом еще логически рассуждать.

— А что же, и прыгну!

— Нет, не прыгнешь!

— Нет, прыгну!

— Конечно, отчего тебе не грозиться, что ты прыгнешь, если тебя все равно до парашюта не допустят.

Крутошамов кричит:

— Позвольте! Где не допустят, а где и допустят! Айда сейчас в Парк культуры и отдыха! Там акурат есть парашютная вышка. Там наш герой может доказать, как он логично прыгает!

— И докажу. Пожалуйста. Айда!

Берем такси и двигаем в Парк культуры и отдыха. Сейчас же я покупаю билет на вышку и быстро шагаю наверх.

Вхожу на площадку. Меня, значит, прикрепляют к этому самому парашюту, объясняют, что и как, и подводят к самой калитке, которая ведет к прыганью.

Я подхожу к калитке и в этот момент слышу внизу какие-то свистки. То-есть, это я уже потом, внизу, сообразил, что я слышал свистки. А тут, около калитки, я уже мало чего соображаю, только думаю, что я, действительно, поторячился. Логически рассуждая, лучше ходить по земле ногами, чем прыгать.

А служащий при вышке мне говорит:

— Прыгайте, товарищ!

— Сейчас. Я с удовольствием. Только мне, говорю, эта ваша сбруя, она мне не по росту. Я из нее вырос. Она мне жмет в шагу.

— Разве? Да нет, она вам как раз. Можете прыгать!

Я говорю:

— Сейчас. Я с удовольствием.

И так прогативаю руку к калитке... Ну, мало ли я на своем веку открывал калиток и разных дверей? Открываю, значит, эту калитку и вижу, что калитка-то эта — в никуда...

То-есть очень даже в куда! Вниз акурат — десять этажей. И люди, знаете, видны так: верх кепки, чуть-чуть носа и сию же минуту ноги. Я, знаете ли, подумал и попятился назад. То-есть сперва попятился, а потом подумал: «Куда же это меня занесло?!»

А служащий говорит опять:

— Да прыгайте вы, гражданин!

— Сейчас. Я с удовольствием.

А сам еще немного отошел назад.

— Так что же вы, — говорит служащий, — вы прыгайте, а то вы других задерживаете. Здесь очередь.

— Помилуйте, — я говорю, — что же вы мне раньше не сказали?! Я с удовольствием уступлю мою очередь! Может быть, здесь кто-нибудь с ребенком? Так пожалуйста!

— Да вы прыгайте, гражданин! Не так уж страшно!

— Причем здесь страшно? Я с удовольствием... Я с детства стремился прыгать.

— И прыгайте!

— И прыгну!

— И прыгайте!

— И прыгну!

Последние мишени системы германского генерального штаба.

И прыгнул.

То есть, что значит прыгнул? Закрыл глаза и сполз в это проклятое никуда. А уж когда сполз, оказалось довольно нестрашно: парашют над тобой свистит, и летишь ты как в лифте...

Ну, упал на песок, сбросил сброю, почистился и небрежной походкой подхожу к своим.

— Ну-с, — говорю, — что вы теперь скажете?

— О чем это?

— Ясно о чем: о моем прыжке.

— А разве ты прыгал?

— А как же! Вот на этом парашюте, который в коричневую полоску. Да как вы могли не видеть?

Тут Крутошамов тихо говорит:

— Прости нас, пожалуйста, только мы все заинтересовались одним хулиганом, за ним милиционер гнался, и как раз около нас задержали его. Так что на вышку в

этот момент мы не смотрели. Очень уж интересно ругался хулиган.

Тут я вспоминаю, что, действительно, лично я слышал свистки, когда стоял перед калиткой.

— Ну, спасибо, — я говорю. — Что вы никогда не слышали, как люди ругаются? Товарищ прыгает, а они...

Крутошамов отвечает:

— Ну, если так рассуждать, так что мы прыжков не видели? Вот, пожалуйста, девушка, а летит как ангел...

— Так то — посторонняя девушка, а то — я, ваш друг, сослуживец, собутыльник, прыгаю очертя голову, а вы морды отворачиваете!

И начинаются у нас довольно резкий разговор и ссора. Не помню сейчас, чем кончилось: нето они меня побили, нето я от них пострадал...

Так что видите: за зря я прыгал. Совершенно за зря.

В. АРДОВ

ПОПРАВКА К КЛАССИКУ

Фотомонтаж Б. Клинка

Слухъ обо мнѣ придетъ,
по всей Руси великой,
и назовутъ меня всякъ
сущий въ языкихъ

— А хорошо бы, кроме слухов о Пушкине, иметь и хорошее недорогое издание его сочинений.

Дорогой КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ ДРУЖИЩЕ КРОКОДИЛ

У нас в г. Владимире, в столовой Горсовета, кушаем мы в шапках, в калошах и шубах. Снимешь — замерзнешь. Ну, конечно, кому же хочется замерзнуть за обедом, и по этой причине мы, обедающие единицы, обратились к администрации: почему? А администрация бездушно мямлит: дров нет. Ну, конечно, обидно, если дров нет, а 20 декабря один обедающий активист нашел в супе щепку. Мы опять к нашей малохольной администрации: зачем, дескать, дрова на борщи разбазариваете, а на печи у вас нет? Так оказывается объективная причина: в столовой печей нет. Вот так и обедаем в калошах. А жаловаться кроме тебя некому. Столовая-то ведь горсоветская!

С. ТАРАСОВ.

г. Владимир.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Сообщаю тебе о новом, еще мало известном в научных кругах точном инструменте для определения времени.

У нас в Физическом институте Академии наук, при наличии выверенных хронометров и электрочасов, начало работы администрация регистрирует по «ходикам». Спрашивается: стоит ли вообще городить огород об исчислении точного времени, когда в самом Физическом институте «ходики» взяли верх над самыми точнейшими приборами?

Н. ХАЛИЛЕНКО.

Москва.

МИЛЫЙ КРОКОДИЛ!

Сколько стоит обыкновенный нормальный страус среднего возраста? Я заинтересовался этим вопросом, потому что Устькаменогорская инкубаторно-птицеводческая станция скалькулировала стоимость одного искусственно выведенного цыпленка в 81 рубль. Я думаю, что свободно рожденный страус, если и обойдется дороже, то, во всяком случае, не на много более, чем выводок цыплят. Как ты думаешь?

И. НИЗОВ.

Восточный Казакстан,
Устькаменогорск.

Председатель Асбестового рудкома (Ураласбест) тов. Канавин подписал наднях протокол заседания рудкома, где имеется следующий 3-й пункт:

«Мобилизовать членов семей и детей убивать паразитов. Обязать председателей вести учет убитых клопов». Так как я человек тихий и не хочу нарушать рудкомовского постановления, я интересуюсь следующим: могу ли я убивать у себя клопов без учета и не обману ли я общественность, если совершу незарегистрированное убийство рядового клопа?

Н. ХАРИТОНОВ.

г. Свердловск.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

4 января в «Вечерней Москве» появилось веющее ужасом объявление, которое меня страшно взволновало. Вот оно:

«Трест «МОСБЕЛЬЕ» производит прием заказов на платье, блузы и юбки из материала и заказчицу».

Я считаю тебя достаточно авторитетной инстанцией, которая может разъяснить, как это можно из заказчицы шить блузы и юбки. Неужели, действительно, берут одинокую честную заказчицу, отдают ее закройщицу, а потом вместо живой девушки выдают ее родным и знакомым изящную блузку? Надо что-то предпринять. И если уже нельзя спасти заказчицу от такого кошмара, то спасти читателей «Вечерней Москвы» от безграмотных объявлений, по моему, еще не поздно.

Я. ДЕМИДКО.

Москва.

МИЛЫЙ КРОКОДИЛ!

В Восточноказахстанской области есть город Кокпекты, а в городе Кокпекты второй месяц нет спичек. Все.

Г. КОРНИЕНКО.

Кокпекты.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ПЕЙТЕ РАЗУМНОЕ, ДОБРОЕ, ВЕЧНОЕ...

Есть разные пути продвижения срочной информации. Но до самого оригинального додумались все же в г. Ярославле, где в магазине № 1 фабрики «Красные ткачи» висит такое объявление:

ВНИМАНИЕ!
ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ СВЕЖЕЕ ПИВО ПО 1 р. 50 к. ЛИТР. НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРИОБРЕСТИ. ГРАМОТНЫЙ, ПРОЧТИ НЕГРАМОТНОМУ.

Совсем как в гомеровской Одиссее:

— Путник, увидев прелестное зрелище это,
Всем сообщи, чтобы к радости все приобщились...

Здесь даже солиднее. В «Одиссее» все—даром, а здесь—по 1 р. 50 к. с посудой.

ПРИКАЗАНО—И С ПЛЕЧ ДОЛОЙ

Специально уфимский метод привлечения партийных слушателей на популярные лекции.

Приводим текстуально из газеты «Красная Башкирия»:

**ВОЕМ СЕКРЕТАРЯМ
ПАРТКОМОВ И ПАРТОРГАМ
г. УФЫ**

28 ноября, в 8 час. вечера, в Уфимском физическом институте (ул. Э. Савонова, 18), для партактива города со-

стоится научно-популярная лекция на тему: «Явления резонанса в разных областях физики и радиотехники. Секретарям парткомов и парторгам обеспечить явку. Вход свободный.

Горком ВКП(б).

Не хватает только одного—маленькой добавки:

— Неявившиеся по болезни должны представить записки от родителей.

КУРОРТНАЯ ТЕХНИКА

Конечно, на курорте мысли всегда приобретают некоторую не-позволяющую легкость и даже слегка пугающую игривость. Дай им только простор... Ялтинская газета «Всесоюзная здравница» так и поступила. Дала мыслям такой неограниченный простор, что в сводке об итало-абиссинской войне безапелляционно сообщает:

«Предварительным условием всяких переговоров ставится

немедленное прекращение Итальянских военных действий и очищение городов Аксума и Адун (на севере Италии).

Мы-то у себя в Москве, даже когда здание передвигаем с места на место, и то удивляемся, как это тонко делается, а тут разбитые ялтинцы Адун из Африки в Южную Европу перетащили и даже не заметили. Спасибо, что еще не всю Африку перенесли. Пожалели беспокойный материк.

НЯНЬКИ И ПИСАТЕЛИ

Если у семи нянек дитя и не всегда остается без глаза, то заметить робкое дитя среди такого ужасающего количества нянек—дело довольно трудное.

То же самое наблюдаем мы и при трепетном взгляде на некоторые из изданий «Академии».

Няньки—примечания и вступления—там окончательны дают своей неумолимой сплоченностью на робкое дитя—гекст. Полюбуйтесь на такое трогательное соотношение между няньками и дитятей:

«Сочинения Одоевского. Из 490 страниц самого текста 224, остальные—пояснительные статьи и примечания. В сочинениях Ватюшкова 745 страниц. Ватюшкову принадлежат 378 страниц. Остальные—вступительные статьи и примечания. Сочинения Рылеева 908 страниц. Примечания и статьи занимают 476 страниц. Весь 3-й том «Записок Ликвикского клуба» Диккенса в 365 страниц целиком посвящен примечаниям».

Хорошо еще, что вообще текст автора хотя и с неохотой, но все же дается в книгах «Академии». А то, повидному, недалек и тот день, когда может появиться:

«Полное собрание примечаний к М. Ю. Лермонтову, с приложением избранных стихов поэта».

ВАЖНОЕ ОТКРЫТИЕ

Рис. Н. Радлова

— Благодаря своему открытию он получил кафедру в университете.

— Что же он открыл?

— А то, что у другого претендента на кафедру бабушка была не чистокровная арийка.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редколлегия: Л. ЛАГИН В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-05-46; Д 3-05-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.— 1 р. 20 к. в м. ● Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва, Изд. № 79.

Сдача текста и рисунков 31/ХП—35 г.

Подп. к печ. 11/И—36 г.

Статформат 72×108, 1/8 л.

Печ. л. 3. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

У полномоч. Главлита Б—17095.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 2677.

Тираж 266 000.

50

ОБЛАЗИТ. АКСЕНТИЯРЫ
25 ЯНВ 1936
Кн. Палат. Получены

А 551 ✓

НАИВНЫЙ ВОПРОС

Рис. К. Ротова

— Мы одержали победу. Эфиопы бегут. Подробности почтой.
— Но почему вы так спешите, генерал?
— Как почему: они же могут сюда каждую минуту прибежать.

35